

«МАСКАРАДА»

НОВАЯ ПОСТАНОВКА «Маскарада» появилась на перекрестке нескольких юбилеев. Праздновалось 150-летие со дня рождения Лермонтова. Театральная Москва аплодировала режиссеру Ю. Завадскому, которому исполнилось 70 лет. Можно было бы отметить и совсем уже редкостный юбилей: сорокалетие непрерывной совместной творческой работы режиссера и актера — Ю. Завадского и Н. Мордвинова.

Но ни Завадский, ни Мордвинов не желали погрузиться в глубокие кресла юбиляров. Они считали, вероятно, что и Лермонтов, поэту гнева и страсти, горечи и ненависти, не к лицу благодушное величие, то сонное выражение спокойствия, которое придают классикам в учебниках литературы. Из прошлого на Завадского и Мордвинова смотрели требовательные глаза юноши, не желавшего подчинить свои мысли и чувства, талант и душу мерзкому регламенту российского общества и российского самодержавия. В его жизни, короткой и решительной, в судьбе неизбежной и предуганной режиссер и актер почувствовали тревожную красоту. Чтобы ее разгадать и воскресить, они снова вернулись к «Маскараду». Они заново вчитывались в пьесу, уже однажды Завадским ставившуюся, в роль, которую Мордвинов дважды уже сыграл — и в кино, и в театре. И что-то совсем новое услышали, угадали.

Что бы ни говорили о «Маскараде», как бы разумно ни объясняли его конфликт, смысл, идею, систему образов, все же эта странная драма хранит свою тайну. В ней — сдвиги, смещения, которые не подчиняются строгой логике тщательных анализов. В ней — противоречия, которые, видно, так и останутся неразрешимыми и потому всегда будут решаться по-новому. Действие идет внезапными рывками, озаряя фигуры короткими вспышками света. Злая ирония и пылкое сочувствие неожиданно друг друга смеяют. Привычные представления о герое, которому беззаветно отданы симпатии автора и зрителей, грубо нарушены. Арбенин возникает перед нами во всей вызывающей сложности его натуры: добро и зло, преступление и наказание, лед и пламень в этом человеке. С ним поэзия входит в игорный дом, но с ним же мечь, жестокая, несправедливая, разрушает любовь и жизнь. Его можно осудить, можно и оправдать. Труднее всего, однако, ввести его в прямое соприкосновение с сегодняшней нашей реальностью. А именно этого хотят — и этого добиваются — Завадский и Мордвинов.

СПЕКТАКЛЬ идет на фоне черных зеркал, в которых таинственно отражаются, двоясь и троясь, картежники, ведущие азартную игру, танцующие пары, свечи, лампы. Пределы сцены как бы раздвигаются, создавая вокруг героев загадочную и грозную беспредельность. Опасность подкрадывается к ним со всех сторон, изо всех темных углов...

На самом же деле — опасность в них самих. Именно об этом всё время иронично и горько напоминает зрителям фигура Дирижера, смело и решительно введенная в спектакль Завадским. Сначала Дирижер воспринимается как обычный

капельмейстер театрального оркестра. Но вот оркестр уже замолк, а музыка Арама Хачатуряна продолжает звучать откуда-то из-за кулис, и сутулый старик с повелительной палочкой в руке управляет ее звучанием. Потом его власть еще увеличивается, он уже управляет персонажами, общается с ними, дирижирует судьбами, время от времени иронически поглядывая в зрительный зал.

ФИГУРА Арбенина впервые не противопоставлена окружающему герою миру, петербургскому свету, а, наоборот, естественно и плавно в этот мир вписана и погружена. Тут нет противоречия между героем и средой, тут — полная слитность, в том и беда. Среди игроков Арбенин царствен, великолепен, он тут в своей стихии. Н. Мордвинов прекрасно передает его властность, всеведение, наслаждение игрой, затаенный азарт. В мертвой тишине, изредка прерываемой мягким шелестом денег, сухим треском распечатываемых колод, краткими репликами страха, почтения, изумления, Арбенин ведет свою игру. Нет, он не спорит с веком. Сын своего времени, Арбенин, каким его видит Завадский и играет Мордвинов, — живое воплощение светской надменности, безукоризненных манер, верности моде и этикету. Его волнует красота маскарада, движение бала.

Завадский отказался — вопреки традиции — высмеивать и шаржировать баронессу Штраль, защитил ее от привычных уколов сатиры и развязного порицания. Роль эта играет Э. Ковенской всерьез, трагично, горько. Баронесса и Арбенин духовно близки, она ему сродни, и их духовное родство ничуть не компрометирует Арбенина, но острее обнаруживает его драму.

Драма эта состоит в том, что человек сильный и гордый, Арбенин способен быть сильным и гордым только до тех пор, пока он чувствует согласие с обществом, со средой, с той самой жизнью, условности которой зло высмеивает и цену которой знает. Страстный и зрелый человек, он, однако, беззащитен перед мнением света и его ритуалом. Самое страшное для Арбенина было бы оказаться смешным в глазах общества, попасть в такое положение, которое сам он мстительно и жестоко создал для князя Звездича. Арбенин бесстрашен всегда, но одного боится — насмешки, язвительного шепотка за спиной, комической роли. Общество, в котором он внешне царствует, изнутри полностью им овладело. Он не свободен — вот в чем беда и вина этого Арбенина, вот где начало его подозрительности, ревности, преступления.

Николай Мордвинов показывает нам человека страстного, гордый ум, властную натуру в состоянии трагической связанности формами и нормами своей собственной среды. В судьбе Арбенина режиссер и актер открыли призыв к высокому внутреннему достоинству человека, призыв к верности высоким требованиям добра и красоты, которые должны быть несокрушимой опорой человеческой личности.

В этом призыве — смысл спектакля, отмеченного печатью подлинного художественного совершенства.

К. РУДНИЦКИЙ.

Николай Мордвинов, 1945, 28 лет.